

01.11.23

АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ?

Непризнанная Нагорно-Карабахская республика заявила о самоликвидации. Указ об этом подписал президент этого де-факто образования Самвел Шахрамьян. «Принято решение распустить все государственные учреждения и организации, находящиеся в их ведомственном подчинении до 1 января 2024 года», — **говорится** в документе. И хотя НКР — самопровозглашенная республика, чью независимость не признало ни одно государство, включая и Армению, стилистика указа о ее самоликвидации до боли напоминает знаменитые Беловежские соглашения. И в первом, и во втором случае документ — не причина, а следствие сложных этнополитических и международных процессов. Нагорный Карабах был одним из триггеров советского распада, а референдум об образовании НКР произошел через два дня после встречи в Вискулях, не только поставившей точку в истории СССР, но и изменившей мир. Самороспуск одной из непризнанных республик трудно назвать событием, которое кардинально меняет международную повестку. Но ситуация в Кавказском регионе прямо на наших глазах претерпевает серьезные изменения. И их последствия наверняка выйдут за рамки застарелого этнополитического конфликта.

Генезис конфликта

Слом регионального статус-кво на Кавказе связывают с сентябрьской эскалацией 2023 г. В ходе третьей по счету и самой кратковременной (она длилась два неполных дня) карабахской войны Азербайджан достиг той стратегической цели, что ставил еще на закате существования единого советского государства — восстановление своей территориальной целостности. Однако, признавая очевидную важность этого события, нельзя сводить анализ текущего состояния и будущих траекторий армяно-азербайджанского конфликта к удачному блицкригу Баку.

Известный французский историк, яркий представитель школы «Анналов» Фернан Бродель предложил для исследователей три категории времени: «время большой длительности» (одно столетие и более), «циклическое (конъюнктурное) время» (диапазон до 50 лет) и «время событий» (фокусирующееся на сегодняшних проблемах) [1]. Для получения целостного представления о динамике армяно-азербайджанского конфликта, а самое главное — для понимания перспектив его урегулирования, необходимо обращение не только к «горячим» фактам, представляющим актуальность «здесь и сейчас», но и к событиям истории как минимум последних полутора веков, которые, к слову сказать, определяют и сегодняшнюю повестку дня. Взять хотя бы тему «Западного Зангезура». Еще в 2021 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев **отметил**: «Западный Зангезур в настоящее время находится под контролем Армении. Но в результате прокладки Зангезурского коридора мы, конечно же, используя его, вернем своих граждан на землю предков».

25 сентября 2023 г., принимая в Нахичевани своего турецкого союзника президента Реджепа Тайипа Эрдогана, Алиев **заявил** о том, что этот эксклав – «древний край Азербайджана», отделенный от основной части страны советскими властями. Как следствие, появляется необходимость восстановления нарушенной справедливости.

Стало своеобразной конвенциональной мудростью говорить об армяно-азербайджанском конфликте, как о некоем спусковом крючке для распада СССР. Действительно, конфликт показал неспособность союзного руководства, как к превенции этно-территориальных споров, так и к эффективному тушению возникших пожаров. После того, как 20 февраля 1988 г. Областной Совет Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) в составе Азербайджанской ССР обратился с ходатайством к Москве, Баку и Еревану о пересмотре ее статуса и вхождении в состав Армянской ССР, партийно-советские структуры так и не смогли представить внятную стратегию преодоления кризиса, постоянно колеблясь между тремя опциями: прямое управление из центра, самоопределение автономии и целостность АзССР. В итоге внутригосударственный конфликт превратился в межгосударственное противостояние с вовлечением различных внешних акторов (Россия, Иран, Турция, США, Евросоюз).

Однако у армяно-азербайджанского конфликта была своя собственная логика и динамика. И было бы неверно рассматривать его лишь как один из факторов (пускай и важный) советского распада. История с обращением от 20 февраля 1988 г. возникла не на пустом месте. Она опиралась на традиции этнополитического противостояния, проявившиеся как минимум с конца XIX столетия, с того момента, когда на Южный Кавказ начали проникать националистические идеи. Армяно-азербайджанский конфликт не вполне корректно называть и нагорно-карабахским. Действительно, в последние 35 лет Карабах был сердцевиной этого противостояния, в борьбе за него формировались постсоветские идентичности армян и азербайджанцев. Но в разное время конфликты между двумя народами имели место и в Баку, и в Зангезуре, и в Нахичевани, и даже на территории современной Грузии, то есть за пределами Нагорного Карабаха. Так было и в имперское, и в позднесоветское время, и после распада СССР [2]. Напомним, что **триггером** второй карабахской войны стали столкновения в июле 2020 года на армяно-азербайджанской границе в примерно 200 км от эпицентра конфликта в НКР.

Борьба за землю и "совпадение"

Основным содержанием этих споров было (и остается) то, что Эрнест Геллнер называл «совпадением» этнической и политической единиц [3]. Принимая же во внимание тот факт, что на рубеже двух прошлых столетий армяне и азербайджанцы имели ареалы расселения, отличные от нынешних, проживали в целом не компактно, а чересполосно, борьба за «совпадение» имела широкую географию, проходила при вмешательстве внешних игроков. Тот же турецкий, американский или французский фактор в Карабахе, Нахичевани или Зангезуре возникли отнюдь не с появлением фигур Реджепа Тайипа Эрдогана, Джозефа Байдена или Эммануэля Макрона.

Длительность армяно-азербайджанского конфликта традиционно поддерживалась максималистскими устремлениями двух сторон. Их национальные проекты предполагали не инклюзивность, а эксклюзивность, не совместное проживание, а доминирование одной из этногрупп. Де-факто речь шла об установлении «этнической собственности» на землю, дефицит которой превращал территориальный ресурс в

ключевой. В ходе конфликтов и в 1918–1920 гг., и в 1988–1994 гг., и в 2020–2023 гг. и Баку, и Ереван стремились к обеспечению и закреплению территориального преимущества. Армянская сторона называла это обеспечением «пояса безопасности», а азербайджанская – заботой о «коридоре».

Достаточно посмотреть на все **ключевые инициативы** по урегулированию конфликта, будь то дискуссии на Парижской мирной конференции 1919 года или предложения Минской группы ОБСЕ в период с 1997 по 2020 гг. («пакетный», «поэтапный» планы, «общее государство», «Мадридские принципы» и разные их обновленные модификации), чтобы увидеть: мирные инициативы по преимуществу выдвигались третьими сторонами, а не самими участниками этнополитического противостояния. На этом фоне уникальным примером прагматизма и готовности к уступкам и компромиссам выглядят предложения первого армянского президента Левона Тер-Петросяна. Но они тем и интересны, что представляют собой исключения из общего правила.

Конфликтный маятник

По каким же алгоритмам действовал маятник армяно-азербайджанского конфликта, приводивший порой к радикальному изменению статус-кво на Южном Кавказе? Во-первых, его эскалации происходили всякий раз, когда конфликт из внутригосударственного становился межгосударственным. Так было и в период разрушения Российской империи в 1918 г., и во время распада СССР в 1991 г. Во-вторых, статус-кво обеспечивался военно-политическим раскладом сил, сочетавшим в себе, как соотношение потенциалов самих противостоящих игроков, так и внешних акторов. Как только этот хрупкий баланс нарушался, переговоры и дипломатические визиты сменялись военной активизацией. В 2020 и в 2023 гг. Баку шел на повышение ставок, четко осознавая открывшиеся возможности. Речь здесь и о фокусировках Москвы на других направлениях (Белоруссия в 2020 г. и Украина после 2022 г.), и о заинтересованности ЕС и США в кооперации с Азербайджаном, как с важным энергетическим партнером, и о наращивании турецкого потенциала в Евразии. Принимались в расчет и растущие противоречия между Россией и Западом, что делало невозможным общую позицию лидеров мирового сообщества по конфликту.

Путь к сентябрю 2023 г. был во многом запрограммирован противоречивыми итогами второй карабахской войны трехлетней давности. С одной стороны, по завершении боевых действий статус-кво, существовавший на протяжении 26 лет, был разрушен. Азербайджан установил свой контроль не только над семью районами, оккупированными армянскими силами в 1992–1994 гг., но и вернул под свою юрисдикцию значительную часть бывшей НКАО, включая второй по величине город на ее территории Шушу, а также села Гадрутского, Мардакертского и Мартунинского районов. К началу 2021 г. общий размер территорий, подконтрольных непризнанной Нагорно-Карабахской Республике, уменьшился в 4 раза. После войны 2020 года линия соприкосновения конфликтующих сторон стала длиннее и подвижнее. Позиции противников с того времени находятся всего в 30–100 метрах друг от друга, тогда как два года назад их разделяли сотни метров. Армения, лишившись так называемого «пояса безопасности», получила новый участок госграницы с Азербайджаном в южных областях Сюник и Гехаркуник.

Но с другой стороны, Азербайджан не одержал полной военной победы. Его войска

были остановлены неподалеку от столицы непризнанной НКР Степанакерта. Символического взятия последнего рубежа армянской обороны в Карабахе не произошло. Инфраструктура де-факто образования, хотя и в территориально редуцированном виде, сохранилась. В финансово-экономическом плане оно по-прежнему поддерживалось Арменией. Более того, по завершении второй карабахской войны, армянские вооруженные подразделения не были полностью выведены с территории непризнанной НКР. Органы власти (президент, парламент, правительство), армия, полиция Нагорного Карабаха продолжили функционировать, и даже в сентябре 2023 года (!) парламент НКР избрал нового президента Самвела Шахраманяна, чья подпись теперь навсегда будет ассоциироваться с самоликвидацией непризнанной республики. Как бы то ни было, Карабах в 2020–2022 гг. посещали иностранные политики (кандидат в президенты Франции Валери Пекрес), а известный миллиардер и филантроп Рубен Варданян даже некоторое время возглавлял республиканское правительство.

Но Азербайджан был не готов мириться с новой «заморозкой конфликта» и уже с начала 2021 года начал реализовывать в отношении Карабаха «тактику салями», отрезая от него шаг за шагом важные узлы безопасности и коммуникации (перекрытие Лачинского коридора, эвакуация армянских сел вокруг этого районного центра). Отсутствие достаточных ресурсов внутри страны и поддержки извне заставило Ереван проводить политику геополитического минимализма. В итоге еще до сентября 2023 г. армянские власти признали суверенитет Баку над Нагорным Карабахом. Последней соломинкой, конечно, была идея Никола Пашиняна об «обеспечении международных гарантий» для карабахской армянской общины. Военная эскалация 19–20 сентября 2023 г. сломало и ее.

Конец истории или новая глава

Означает ли карабахская самоликвидация конец конфликта? Близок ли долгожданный мир? Хотелось бы дать на эти вопросы однозначно положительные ответы. Но имеются некоторые нюансы, на которые стоило бы обратить особое внимание. И здесь нам хотелось бы вернуться к нашему изначальному тезису об определении конфликта как армяно-азербайджанского, а не нагорно-карабахского. Наряду со статусом НКР, окончательно снятым с повестки дня, присутствует тема эксклавов (формально бывших территорий АзССР и АрмССР, которые в свое время оказались де-факто в составе «чужих республик»). Помимо нее не разрешен вопрос о демаркации-делимитации госграницы. К нему если и подступали, то только во время специальных переговоров. Заметим, что в 2021 г. азербайджанские силы уже продвигались вглубь Армении на участке Сотк-Хознавар, занимая территории площадью примерно в 5 400 га. Впоследствии там был установлен КПП для осуществления таможенно-пограничного контроля. И, конечно же, не закрыта тема «Зангезурского коридора», которая до 2020 года была в «спящем режиме», но после смены военно-политического статус-кво была введена в оборот.

Между тем все эти сюжеты, помимо собственно армяно-азербайджанской проблематики, затрагивают интересы других сторон. Россия крайне заинтересована и в разблокировании транспортных коммуникаций, и в подписании мира при ее решающем посредничестве. Но Турции (которая сегодня чувствует себя бенефициаром на Кавказе) выгодна «коридорная логика», которая свяжет не только Нахичевань с западными азербайджанскими регионами, но и две тюркские страны-

союзницы. Конечно же, Анкара и Баку предпочли бы коридор, который прошел бы по сегодняшней армянской территории, но без эффективного контроля Еревана (вопрос формул здесь вторичен). С таким подходом не соглашается не только армянское руководство, но и Иран, опасющийся усиления «пантюркизма» вдоль собственных границ. Отсюда и растущий интерес Тегерана к положению дел на Юге Армении. Исламская республика не признает самопровозглашенных образований (это относится не только к НКР, но и к Абхазии с Южной Осетией). Однако ей **не нужны экстерриториальные коридоры** на армянской земле, тем более устанавливаемые под давлением Анкары и Баку.

Не так проста и повестка мирного договора. Формально и Россия, и Запад не имеют принципиальных разногласий по данному вопросу. И Москва, и Брюссель с Вашингтоном поддерживают территориальную целостность Азербайджана. Однако после начала СВО на Украине Минская группа ОБСЕ перестала работать, а уникальное взаимодействие на карабахском треке прекратилось. Теперь РФ и Запад видят друг в друге конкурентов, а в мирном договоре между Баку и Ереваном – средство для минимизации влияния друг друга в Кавказском регионе.

И последнее (по порядку, но не по важности). Азербайджан решил проблему Карабаха силой, а не за столом переговоров. Можно найти тысячи аргументов в пользу тезиса о том, что армянская сторона долгие годы манкировала уступками и имитировала сам переговорный процесс. Но факт остается фактом, сила возобладала. И это открывает новые горизонты для новых требований со стороны Баку, а со стороны Еревана формируются опасные травмы, врачевание которых сопровождается высокими рисками и непредсказуемостью. Значит при любом изменении военно-политического расклада, есть риск пересмотра или даже слома нового статус-кво, если не сторонами конфликта непосредственно, то кем-то из внешних игроков.

Впервые опубликовано Российским советом по международным делам: Маркедонов С. Армяно-азербайджанский конфликт: последняя глава или продолжение следует? РСМД. 04.10.23. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armyano-azerbaydzhanskiy-konflikt-poslednyaya-glava-ili-prodolzhenie-sleduet/>

Источник: Армяно-азербайджанский конфликт: последняя глава или продолжение следует?

ОБ АВТОРЕ

Сергей Маркедонов

ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований

Местоположение: Москва , Россия

Сфера компетенций: международные отношения на постсоветском пространстве

Область экспертизы: конфликты на постсоветском пространстве, европейская
безопасность

Профессиональный опыт: МГУ, РГУ, МГИМО МИД. Приглашенный исследователь
Института гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Фуданьском университете в Шанхае,
Немецкого общества внешней политике (DGAP) в Берлине, Приглашенный профессор
Центра евразийских исследований в Университете Мумбаи, Индия.

